

Нобелевский год И.А. Бунина (по материалам дневников и семейной переписки)¹

Т.М. Двинятина

Аннотация: В статье на материале дневниковых записей и писем И.А. Бунина и его ближайшего окружения воссоздается последний год перед присуждением ему Нобелевской премии, ставшей наивысшей точкой признания как его творчества, так и всей русской эмигрантской литературы первой волны. Этот год напряженного ожидания решения Нобелевского комитета на фоне почти катастрофического материального положения Буниных был в то же время чрезвычайно плодотворным временем творческой сосредоточенности: именно тогда написана большая часть «Лики», пятой, последней книги «Жизни Арсеньева». Художественная отрешенность от земной суеты, в которой Бунин провел почти весь год, и осязаемый, мировой успех, обрушившийся на него после присуждения премии, стали двумя главными событиями его жизни в это время. О том, каким был для Бунина 1933 год, рассказывают, в том числе ранее не публиковавшиеся, материалы его личного архива, хранящиеся в Русском архиве Лидса (Великобритания).

Ключевые слова: И.А. Бунин, эмиграция, архивные материалы, Нобелевская премия, дневники, семейная переписка

Информация об авторе: Татьяна Михайловна Двинятина, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, д.ф.н. E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

В конце 1932 года исполнилось десять лет с тех пор, как Бунин стал рассматриваться как претендент на Нобелевскую премию по литературе². Высказанная летом 1922 года М. Алдано

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект №17–18–01410 «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»). Письма И.А. и В.Н. Буниных, полный корпус которых готовится к публикации в бунинском томе «Литературного наследства», печатаются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate. За постоянную помощь и консультации в работе с бунинским наследием благодарю хранителя Русского архива в Лидсе (РАЛ) Ричарда Д. Дэвиса, а также О.А. Коростелева, С.Н. Морозова и Г. Брэдли.

² Подробная история присуждения Бунину Нобелевской премии изложена в книге Т.В. Марченко «Русские писатели и Нобелевская премия (1901–

вым³ идея нашла отклик у Ромена Роллана (лауреата 1915 года), и 3 января 1923 года он обратился в Нобелевский комитет с представлением М. Горького, И. Бунина и К. Бальмонта «в одной кандидатуре», тем самым призывая к независимости художественной экспертизы от преходящих политических настроений (см. *Марченко*: 292–294). С годами ожидание решения Нобелевского комитета становилось все напряженнее, однако усилия критиков, переводчиков, профессоров разных мировых университетов так и не приводили к желаемому результату, а материальное положение Буниных становилось все хуже и хуже: «не в славе дело, а в голоде», — сетовал Бунин в одном из писем еще 1923 года⁴.

В начале 1931 года — новый виток нобелевской истории. Свои представления Бунина в Шведскую академию направляют два члена Императорской Российской академии наук⁵ — В.А. Францев (ставший профессором славянских литератур в Пражском университете), М.И. Ростовцев (в то время профессор античности Висконсинского университета), избранный в 1916 году иностранным членом Российской академии Олаф Брок (профессор славистики университета Осло), а также целый ряд известных в мире славистов (среди них Этторе Ло Гатто, профессор славистики в Падуе, и А.С. Каун, профессор славистики в Беркли, см. *Марченко*: 327–362). Тогда же у Бунина завязываются дружеские отношения с племянником А. Нобеля Эммануилом Людвиговичем (Emanuel Ludvig Nobel), который оказывается посредником между выступившей за Бунина группой русских парижан (граф В.Н. Коковцев, В.А. Маклаков, А.О. Гукасов, Н.К. Кульман) и Нобелевским комитетом. В конце февраля было получено письмо Георгия Павловича Олейникова, зятя Людвиг Нобеля (старшего брата Альфреда Нобеля), с надеждой на «русский обед» в честь Бунина в будущем декабре (см. *Грасский дневник*: 206; запись от 28 февраля 1931 г.).

1955)» (Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2007; *Марченко*), и в первых абзацах этой статьи мы опираемся на это исследование, стремясь в дальнейшем дополнить его материалами семейного архива Буниных, оставшимися за рамками этого труда.

³ Идея заключалась в совместном выдвижении на премию Бунина, Мережковского и Куприна, в чем усматривался «знак уважения Европы к изгнанной русской литературе» (см. ответ М. Алданова на анкету газеты, помещенный в редакционной заметке: Нобелевская премия — русским писателям // Слово (Париж). 1922. 17 июля. № 4).

⁴ «Вы — друг старый и верный...». Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / Публ. Р. Янгирова // Минувшее: Исторический альманах. [Вып.] 15. М., 1994. С. 183. Письмо от 20 февраля 1923 г.

⁵ Выдвигать претендентов на премию могли только члены национальных академий наук и в случае Бунина ими стали члены еще Императорской Российской академии наук.

Однако в 1931 году премию присуждают многолетнему секретарю Шведской академии поэту Э.А. Карлфельдту, в 1932-м — Дж. Голсуорси. И то, и другое Бунин воспринимает как «удар». Но узнав о первом решении, он «обложился своими “молодыми” сочинениями и сел за работу. Вычеркивает, исправляет, надписывает. Неудачи заставляют его крепче собираться» (*Грасский дневник*: 221, 222). После оглашения последнего вердикта он вновь «спасается писанием» — идет напряженная работа над «Жизнью Арсеньева» (*Устами Буниных*, 2: 276⁶; *Грасский дневник*: 264). 22 ноября 1932 года Г.Н. Кузнецова записывает:

И.А. пишет по 3–4 печатных страницы в день. [...] Вечером ходит со мной гулять и говорит о написанном. Пишет он буквально весь день, очень мало ест за завтраком, пьет чай и кофе весь день. Вот уже больше месяца, если не полтора, длится такой режим. Нечего говорить, что он поглощен своим писанием полностью. Все вокруг не существует (*Грасский дневник*: 265).

Наконец, 20 декабря 1932 года Бунин и Кузнецова едут в Париж: Бунину нужна передышка, а в издательстве «Современные записки» готовится к изданию первый роман его протеже «Пролог»⁷. Вера Николаевна Бунина тем временем остается в Грассе и через четыре дня получает письмо из Стокгольма. В нем известие о необходимости в наступающем январе представить кандидатов на Нобелевскую премию следующего года. Сообщая об этом мужу, Вера Николаевна так спешит, что даже пропускает обычное в их письмах обращение:

Начинаю с самого интересного:

“Дорогой Иван Алексеевич, представление относительно кандидатов нужно послать: Nobelstiftelsen 14, Sturegatan, Stockholm (начертания букв списала).

Необходимо послать в январе.

Могу Вам с полной уверенностью сказать, что было только два кандидата, Вы и Гольсворти. Только *никому не говорите*. Из двух лучших источников, можно поверить, что у Вас все шансы на будущее. Я в этом совершенно уверен.

О Вашей последней книге (на шведском языке)⁸ писали два акаде-

⁶ Здесь и далее дневниковые записи Буниных, если они вошли в «Устами Буниных», цитируются по этому изданию. В обратном случае или в случае расхождения с архивным источником, они цитируются по личным материалам Буниных в РАЛ.

⁷ Кузнецова Г. Пролог: Роман. Париж: Современные записки, 1933.

⁸ По всей видимости, имеется в виду «Livets bågare och andra noveller» — перевод на шведский язык сборника рассказов «Чаша жизни» (в него вошли также рассказы «Сны Чанга», «Дело корнета Елагина», «При дороге», «Лапти», «Соотечественник», «Крик», «Ночь»). Перевод был сделан Сигурдом Аг-

мика: Остерлинг⁹ чудно отозвался, Бергман¹⁰ очень хорошо. Первый в Свенски Доувгттг¹¹, второй в До..... (не могу разобрать....)¹²

Гебер¹³ очень доволен.

Пишете ли Вы продолжение «Жизни Арсеньева»?

Было бы очень хорошо, если бы продолжение появилось в *будущем году*.

Гебер тоже этого мнения.

Как здоровье? Счастливых праздников. Сердечный привет [от] нас обоих¹⁴. Обнимаю Вас.

Искренне любящий

С.....”

Понимаешь, от кого? [...]”¹⁵

Бунин понимает: Вера Николаевна переписывает для него письмо, которое прислал С. де Шессен (Serge de Chessin, Сергей Борисович Шершевский, 1880–1942), французский журналист русского происхождения, стокгольмский корреспондент нескольких французских газет, атташе французского посольства в Швеции, горячо сочувствовавший Бунину в получении Нобелевской премии¹⁶.

реллем и вышел в стокгольмском издательстве «Geber» в 1932 г. 25 октября 1932 г., в именины И.А. Бунина, В.Н. Бунина пишет в дневнике: «Сегодня получен чек от Гербера [так!] в 3000 фр. за “Чашу жизни и другие рассказы” на шведском языке» (*Устами Буниных*, 2: 276).

⁹ Андерс Эстерлинг (Österling; 1884–1981) — поэт, литературный критик, действительный член (позже постоянный секретарь) Шведской академии. О его роли в присуждении Бунину Нобелевской премии см.: *Марченко*: 388–392 и др.

¹⁰ Бу Бергман (Bo Hjalmar Bergman, 1869–1967) — известный шведский поэт, критик, действительный член Шведской академии.

¹¹ Имеется в виду газета «Свенска дагбладет» («Svenska Dagbladet»); рецензия А. Эстерлинга на «Чашу жизни» появилась в ней 16 декабря 1932 г. Многократная «г» в тексте письма является, возможно, ошибкой машинописной печати.

¹² Статья Б. Бергмана (под псевдонимом «Б. Б-н») вышла в крупнейшей шведской ежедневной газете «Dagens Nyheter» 20 декабря 1932 г. Био- и библиографические данные трех последних примечаний сообщены М. Юнггреном (Magnus Ljunggren), приносим ему искреннюю благодарность.

¹³ Нильс Гебер (Geber; 1878–1937) — шведский издатель, владелец издательства «Hugo Gebers förlag», выпустивший в начале 1930-х гг. шесть книг Бунина.

¹⁴ Видимо, С. де Шессен передает привет и от своей жены; одно из коллективных писем к В.Н. Буниной, посланных Буниным в Грасс из парижского ресторана «Корнилов» (17 мая 1934 г.), было подписано и ею (РАЛ. MS 1066A/53).

¹⁵ РАЛ. MS 1067A/26.

¹⁶ В письме самого С. де Шессена (РАЛ. MS 1066/5035) не выделены слова «никому не говорите», вместо «можно поверить» написано «могу Вам по-

На самом деле в списке кандидатов 1932 года значилось более 20 человек, среди которых были К. Чапек, П. Валери, Д. Мережковский, И. Шмелев и др., так что речь, видимо, шла о наиболее вероятных кандидатах с точки зрения стокгольмского корреспондента Буниных. В начале 1933 года последовала серия новых представлений Бунина на Нобелевскую премию¹⁷, а жизнь между тем шла своим чередом.

В марте выходит английский перевод «Жизни Арсеньева» «The Well of Days» («Истоки дней», пер. Г.П. Струве и Х. Майлза (Hamish Miles))¹⁸. Но денежных затруднений Буниных это разрешить не может, и Г.Н. Кузнецова констатирует: «У нас наступает бедность. [...] У И.А. такого положения, кажется, еще не было». В следующие дни она фиксирует визит Г.П. Олейникова, связанный, вероятно, в том числе с оказанием Бунину денежной помощи (*Грасский дневник*: 269; записи от 13 и 16 марта). К маю ситуация достигает пика: «Кризис полный, даже нет чернил — буквально на донышке [...]»; «Безденежье. Однообразие. Неврастения» (*Устами Буниных*, 2: 285–286; записи В.Н. Буниной от 26 и 27 мая).

В целом, 1933-й — один из самых контрастных годов в жизни Бунина, в котором параллельными путями, образуя единый сюжет, идут отчаянная бедность и тончайшее, просветленное вдохновение, долгожданная осязаемость земного успеха и высокая отрешенность от сегодняшнего дня. Будто отделившись от обступивших его забот, Бунин весь год живет в мире своего воображения и памяти, их тонком сочленении и прозрении того, что станет продолжением «Жизни Арсеньева». Пока написаны только четыре книги, прошлым летом он начал пятую (она составит треть всего сочинения). Четвертая книга заканчивалась смертью великого князя Николая Николаевича (Младшего), в ее финале Бунин друг за другом поставил ряд зеркал: когда-то, в их общей юности, смерть вел. кн. Николая Николаевича (Старшего) / молодой вел. кн. Николай Николаевич (Младший) / молодой Бунин (в этом случае никакого зазора между ним и Арсеньевым нет) / Россия — сейчас, спустя целую жизнь, смерть вел. кн. Николая Николаевича (Младшего) / чувствующий приближение конца свой жизни Бу-

вторить», все нерусские имена и названия даны на языке оригинала. Письма С. де Шессена к Бунину 1931–1934 гг. см.: РАЛ. MS 1066/5025–5036.

¹⁷ Свои представления повторяют профессора Олаф Брок (Осло), проф. Сигурд Агрелль (Лунд), проф. Фридрих Браун (Лейпциг), см.: *Марченко*: 386–387.

¹⁸ Отклики в английской прессе см.: *Бабореко А.К.* Бунин. Жизнеописание. Изд. 2-е. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 300. Затем вышли переводы на итальянский, шведский, норвежский, французский языки (см. в частности, записи о заключении договоров: *Грасский дневник*: 227, 231, 232).

нин / эмиграция. Глядя на прошлое сквозь настоящее, на настоящее сквозь прошлое, Бунин единым взором обнимает их и приобщает вечности: под сводами памяти завершается основная часть книги. В продолжении, «Лике», остается только любовь.

Труд будет окончен лишь в конце 1938 года: нобелевские события как раз прервут это творческое напряжение, и Бунин потом будет заново мучительно искать его не один год. Тем не менее, когда надо будет поставить дату под всей «Жизнью Арсеньева», Бунин напишет: «1927–1929. 1933», — и 1933-й год будет как раз годом, когда написана большая часть пятой книги¹⁹.

После осеннего подъема 1932 года и зимнего перерыва на Париж и болезни (он вернулся в Грасс простуженным и несколько недель не мог прийти в себя) Бунин лишь в феврале возвращается к письменному столу. Однажды (11 февраля) рассказывает Г.Н. Кузнецовой свой сон, в котором он видел Лику и их встречу спустя много лет.

— Вот доказательство того, как относительно то, что существует и не существует! — говорил он. — Ведь я ее выдумал. Постепенно, постепенно она начинала все больше существовать, и вот сегодня во сне я видел ее, уже старую женщину, но с остатками какой-то былой кокетливости в одежде и испытал к ней все те чувства, которые должны были бы быть у меня к женщине, с которой 40 лет назад, в юности, у меня была связь. Мы были с ней в каком-то старинном кафе, может быть, итальянском, сначала я обращался к ней на вы, а потом перешел на ты. Она сначала немного смущенно улыбалась... А в общем все это оставило у меня такое грустное и приятное впечатление, что я бы охотно увиделся с нею еще раз...

И далее снова (ни за один другой год нет такого количества сходных свидетельств) — о сновидческой, вневременной ткани художественного воображения:

Он так погружен сейчас в восстановление своей юности, что глаза его не видят нас и он часто отвечает на вопросы одним только механическим внешним существом. Он сидит по 12 часов в день за своим столом и если не все время пишет, то все время живет где-то там... Глядя на него, я думаю об отшельниках, о мистиках, о йогах — [...] словом, о всех тех, которые живут вызванным ими самим миром (*Грасский дневник*: 265–266).

¹⁹ В мае и октябре 1933 г. в «Современных записках» (кн. 52, 53) были напечатаны первые главы пятой книги (до гл. XXI по тексту журнальной публикации, то есть до первой поездки героя в Шишаки и слов: «В ту же ночь я поклялся ей, что больше никуда не поеду. Через несколько дней опять уехал»); следующие главы печатались в «Последних новостях» уже только в конце 1938 — начале 1939 гг.

В феврале «Последние новости» отказываются печатать большие отрывки из новой книги. Бунин в гневе комкает, правит, портит уже написанное и не находит себе места; пишет Б.К. Зайцеву:

[...] если бы ты знал, как безобразно исковеркал я это писание! Нашли, что я даю слишком большие фельетоны, попросили давать короче, я, от стыда и обиды да еще шальной от Парижской жизни и начинающейся болезни, стал сокращать, мгновенно запутался, стал вычеркивать, что попало, переставлять куски... словом, сотворил такую бардель, что теперь взглянуть боюсь на то, что напечатал²⁰.

С 7 марта по 21 апреля у Фондаминских гостят Ф.А. и Н.Н. Степуны. Они давно не виделись, и Бунин отводит душу в разговорах с «редким собеседником» (так называла Ф.А. Степуна В.Н. Бунина). Как два года назад создавалось «впечатление, точно [...] на вилле Бельведер в кабинете И.А. был некий словесный балет», «как бы широкие арпеджии по всей литературно-философской клавиатуре» (*Грасский дневник*: 207, 209), так и сейчас встречи, разговоры, прогулки со Степунами и Фондаминскими (к тому же 18 марта в Грасс приезжает Г.П. Олейников, в начале апреля неделю гостит Г.П. Федотов...) наполняют обычно тихую грасскую жизнь долгожданным живым общением и шумными спорами. Степун привез новости из Германии, в первый же свой визит к Буниным (8 апреля) он «весь блистал, резвился, переливался [...] столько людей перевидал, со столькими переговорил за эти последние месяцы, когда ездил с лекциями по разным городам» (*Грасский дневник*: 268). Разговоры — «конечно, о Гитлере»; видимо, Степуну принадлежит определение, которое В.Н. Бунина заносит в свой дневник: «метафизический парикмахер» (*Устами Буниных*, 2: 282). События в Германии у всех на устах: совсем недавно, 30 января Гитлер был назначен рейхсканцлером Германии, 27 февраля случился пожар в Рейхстаге, 24 марта был принят закон о чрезвычайных полномочиях. Споры — о Толстом:

Степун доказывал, что Толстой мыслит примитивно, конечно, по сравнению с Плотинумом, Платоном, Гегелем — у него “все в корнях, а у тех крылья”. Ян доказывал, что у Толстого было удивление и трагичное всматривание (*Дневник ВНМБ*; запись от 12 марта);

о «типах святителей на Руси»:

И.А. сказал, что у Х. незначительность черт. Степун возразил, что для русских святителей незначительность черт вполне приемлема. Они не

²⁰ Новый журнал. Кн. 134. С. 179 (письмо от 14 февраля 1933 г.). Вероятно, здесь имеется в виду публикация «Из “Жизни Арсеньева”» в газ. «Последние новости» 29 января 1933 г., текст которой вошел в кн. 5, гл. VIII и IX («Лица»).

личность. Они освобождение от личности (*Грасский дневник*: 268; запись от 12 марта);

«о необходимости “героического сознания” у современной эмиграции» (*Грасский дневник*: 269; запись от 12 марта); о «Новом граде»²¹, о Христе:

И.А. утверждал, что пришествие Христа было подготовлено в мире, было неизбежно; Федотов говорил, что это было подобно впечатлению от неожиданно разорвавшейся бомбы (*Грасский дневник*: 272; запись от 5 апреля).

После отъезда Степунов к Буниным едва ли не каждый день заходит Фондаминский. За обедом 22 мая он,

[к]ак всегда, говорил о том, что мир накануне великого переворота, великих событий. [...] И.А. утверждал, напротив, что мир опять завершает круг, а не идет вверх [...]. Были всякие исторические примеры. Мы рыскали по истории мира с легкостью ласточек (*Грасский дневник*: 276). (И тогда же: «Сад цветет. Мы его каждый день чистим».)

В то же время Бунин все думает о продолжении «Арсеньева». 5 апреля Г.Н. Кузнецова отмечает: «Опять мучение. Опять поиски тона, с которого надо начинать следующую главу». 15 апреля: «С И.А. хожу гулять и говорю об “Арсеньеве”. Вчера печатала вторую главу. Арсеньев и Лика едут в Полтаву, собираются жениться» (*Грасский дневник*: 271, 273). 2 июня вечером Бунин на прогулке говорит Г.Н. Кузнецовой:

Не знаю, сумею ли тебе объяснить... поймешь ли ты меня. Дело в том, что с годами, а теперь особенно, я все больше начинаю чувствовать в себе какой-то... Петраркизм и Лаурность... т. е. какое-то воплощение всего прекрасного, женского, во что-то одно во мне... что и правда подобно тому, что я писал в прошлом году о Петрарке — “Прекраснейшая солнца”... (*Грасский дневник*: 277).

Петрарка снова возникнет в бунинских записях весной 1944 года: «Великое одиночество Петрарки, его “Заальпийское убежище”... То, что и у меня: *Alpes Maritimes*». И затем сразу: ««Петрарка любил только себя — и Лауру!» То есть опять себя, свою выдуманную — думаю, что выдуманную — любовь к ней, жизнь ею? Если даже и так, это очень много, нечто очень сложное»²². В имени Петрарки для Бунина сходятся чувственная память молодой влюбленности, сегодняшнее одиночество и возможность выразить их в едином пространстве текста. Слова из дневниковой

²¹ См. *Грасский дневник*: 271.

²² РАЛ. MS 1066/548.

записи 1944 года о Петрарке — эхо дневниковой записи 1933 года о себе (21 июля):²³

Вечер, шел через сад Montfleury, чувствовал: снова молодость и великое одиночество.

“Il semble qu'il y ait qu[e]lque chose de cruellement illogique dans l'amour. C'est dans la séparation qu'il possède pour ainsi dire le mieux ce qu'il aime”. Maeterlinck²⁴

— Чего тебе, душа моя,

Внезапно стало мало?

Скажи, какую вспомнил я

Любимую печаль? — Тургенев.²⁵

“Вперед, по могилам!” — Гете.²⁶

“Je pense que certains caractères ont besoin de dramatiser la vie”. G. Leblanc²⁷. (Г[алина] без этого не может.)

“Пришлец аз есмь на земли”. Пс. 118.

Для “Арс[еньева]”: Ханенко, Суховой, Рóзум.

Лахезис — вторая Парка.

Отдать жизнь за памятник на могиле!

В молодости неприятности надолго не держались у меня в душе — она их, защищаясь, выбрасывала.

Почти все сверстники были г[o]p[a]з[до] взрослей меня. Vita scribi nequit²⁸.

В этой записи, одной из редких уцелевших среди бумаг Бунина за 1933 год, собраны выписки из книг, недавно прочитанных и образовавших круг его мыслей и чувств последнего времени. В соседней записи — впечатление момента. Вместе они образуют конспект и распахнутое окно в бунинский мир того лета:

30. VII. 33. Grasse.

Проснулся в 4½. Довольно сумрачно — рассвет совсем как сумерки. В синеватых тучках небо над Эстерел[ем], над Антибск[им] мысом по тучкам красноватое, но солнца еще нет.

²³ РАЛ. MS 1066/524. В *Устами Буниных*, 2: 287 приведена не полностью.

²⁴ «Кажется, что есть что-то ужасно нелогичное в любви. Именно в разлуке — лучшее, если можно так выразиться, что он любит». Метерлинк (фр.)

²⁵ Из стихотворения И.С. Тургенева «Откуда веет тишиной?..» (1844).

²⁶ Цитата из очерка Д.С. Мережковского «Гете» из книги «Вечные спутники».

²⁷ Некоторым натурам необходимо драматизировать жизнь. Ж. Леблан (фр.) Жоржетта Леблан (1869–1941) — певица, актриса, писательница, в 1885–1918 гг. гражданская жена М. Метерлинка, печаталась под именем Леблан-Метерлинк.

²⁸ Сокращенное от «Vita Jesu Christi scribi nequit, жизнь Иисуса Христа не может быть написана» — цитата из немецкого теолога и историка церкви Фридриха Лофса (1858–1928), приведенная в книге Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный».

Вечером гроза. Лежал, читал — за окнами содрогающееся, голубое, яркое, мгновенное.

Ночью во мне пела “Лунная соната”. И подумать только, что Бог все это — самое прекрасное в мире и в человек[еской] душе — [пропущен глагол?] с любовью к женщине, а что такое женщина в действительности?²⁹

В сентябре — начале октября идет новый наплыв воспоминаний: 17 сентября Бунин записывает свой сон с А.Н. Цакни («Видел во сне Аню с таинственностью готовящейся близости...»), см. *Устами Буниных*, 2: 289), 11 октября рассказывает Г.Н. Кузнецовой «свой роман в Люстдорфе с Климович» (*Грасский дневник*: 280)³⁰, тогда же — об измене Арсеньева Лике. От начала октября сохранилось несколько коротких записей, говорящих о том, насколько погруженной в круговорот природы ощущал Бунин свою жизнь в это время (см. *Устами Буниных*, 2: 291): ни намек на «нобелевские ожидания» в них нет.

Пока Бунин живет «Арсеньевым» и всматривается в его продолжение, Вера Николаевна доверяет дневнику очерк мучающих ее разнонаправленных жизней под одной крышей:

Ян на днях сказал мне: “Я пока внизу, я тысячу раз подумаю о тебе, тысячи мыслей прорежут мой ум”... Он, конечно, говорил правду. Но я ему нужна лишь чем-то одним. И понятно: он весь собственно в творчестве, то есть сам в себе, и я ему одна из многих. Если бы были дети, то, может быть, заботы о них отвлекали бы меня или какое-нибудь свое дело. А то у меня столько остается неизрасходованных чувств, что даже порой жутко, и никому-то они здесь не нужны. С Л[енией]³¹ тоже ничего не вышло. Какое-то великое недоразумение. Его нервность, собственно, не выносит меня. В нем нет совсем тонкости, нет ни сострадания, ни доброты. Ему тоже нужны лишь заботы, я от забот не отказываюсь, но все же тяжело, когда заботишься о человеке, который, в сущности, тебя не выносит. Г[аля] холодна, равнодушна и, конечно, не любит меня, она меня хотела бы отвести на роль бабушки, но такой, которая жила бы где-то в своем уединении. [...] Вообще, более нелепой жизни, чем моя с ними, трудно отыскать (*Дневник ВНМБ*; запись от 19 мая).

В конце сентября в Грасс сначала приезжают А.В. и П.П. Карташевы (*Грасский дневник*: 278–279; запись от 24 сентября), потом почти на месяц, до начала ноября, Н.К. и Н.И. Кульманы (*Дневник ВНМБ*; запись от 12 октября). Снова образуется круг

²⁹ РАЛ. MS 1066/524.

³⁰ С Верой Петровной Климович, дочерью богатого дачевладельца, члена городской управы Одессы, Бунин познакомился в Одессе в 1901 году, см.: Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. Подготовка текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 385, 387.

³¹ Л.Ф. Зуров (1902–1971) жил в доме Буниных с 1929 года.

общения, и по-прежнему дает знать о себе бедность. 30 сентября отмечаются именины В.Н. Буниной: «Отпраздновали тем, что Галля купила кусок колбасы. Недурно нажился я за всю жизнь!» — записывает Бунин на следующий день (*Устами Буниных*, 2: 290). На именины Бунин дарит жене записную книжку, на ее первой странице надпись: «17/30 IX 33 Милой, драгоценной. Ив.»³². Пожалуй, не меньше решения Нобелевского комитета Бунины ждут ответа из Голливуда о съемках фильма по рассказу «Господина из Сан-Франциско»: «Если бы это дело вышло, то мы были бы спасены, иначе будет очень плохо» (*Устами Буниных*, 2: 292; запись В.Н. Буниной от 19 октября).

Волнение возвращается позже. Но Бунин уже нашел единственно верное настроение, утром 20 октября он записывает:

Вчера и нынче невольное думанье и стремление не думать. Все-таки ожидание, иногда чувство несмелой надежды — и тотчас удивление: нет, этого не м[ожет] б[ыть]! Главное — предвкушение обиды, го-речи. [...]

Да будет воля Божья, — вот что надо твердить. И, подтянувшись, жить, работать, *смириться мужественно* (*Устами Буниных*, 2: 292).

Именно так Бунин встретил 9 ноября, день присуждения премии: после завтрака «И.А. сел за письменный стол, не выходил и как будто даже пристально писал [...] День был нежный, с солнцем сквозь белое, почти зимнее русское небо» (*Грасский дневник*: 280). Около трех часов дня вместе с Кузнецовой ушел в синема. Позже вспоминал:

Когда, после антракта, начинается какая-то веселая глупость под названием “Бэби”, смотрю на экран с особенным интересом: играет хорошенькая Киса Куприна, дочь Александра Ивановича. Но вот в темноте возле меня какой-то осторожный шум, потом свет ручного фонарика и кто-то трогает меня за плечо и торжественно и взволнованно говорит вполголоса:

— Телефон из Стокгольма...

И сразу обрывается вся моя прежняя жизнь³³.

«С этого момента “все смешалось в доме Облонских”. Париж, приемы, чествования, суতোлка. Стокгольм, получение премии, король, ордена, ленты, светлые туалеты дам, дипломаты — как вся эта сказочная атмосфера непохожа на бедное существование в Грассе» (*Устами Буниных*, 1: 10; предисл. М. Грин). Спустя годы

³² РАЛ. MS 1067/474.

³³ Бунин И.А. Записи // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Вступ. ст. О.Н. Михайлова; Коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: Наследие, 1998. С. 396. Впервые: Иллюстрированная Россия. 1936. 7 марта, № 11. С. 2–3.

Бунин отмечал в дневнике этот день, вспоминая то подробности, то собственные ощущения: «Был счастлив и, как ни странно сказать, молод» (*Устами Буниных*, 3: 73; 1940).

Воспоминания о нобелевских днях оставили и сам Бунин, и его жена³⁴, и Г.Н. Кузнецова (*Грасский дневник*: 280–294), и Я. Цвибак³⁵, наделенный Буниным в стокгольмской поездке полномочиями секретаря. В дневниках и письмах остались непосредственные впечатления и переживания тех дней. Они отмечены не только ясным чувством, что «наша жизнь свернула куда-то» (*Грасский дневник*: 284), но и тревожной неуверенностью в том, что этот поворот к лучшему. Запись в дневнике Г.Н. Кузнецовой:

Девятого ноября наша жизнь переломилась не “сказочно”, как говорят теперь некоторые наши знакомые, но все же переломилась. Не знаю, что будет дальше (*Грасский дневник*: 285; запись от 28 ноября) —

полностью созвучна раздумьям В.Н. Буниной. Через четыре дня после известия о премии она впервые открывает дневник:

За эти дни произошли такие важные события, вернее событие, что чувствуешь, что это грань. В четверть пятого 9 ноября по телефону из Стокгольма я впервые услышала, что Ян нобелевский лауреат. Сейчас вечер. Все уже по своим комнатам. Мне очень тяжело и грустно. Хочется плакать. Кажется, что теряешь что-то дорогое, то есть бедность, уединение. Я очень счастлива за Яна, считаю, что он заслужил славу, увенчание. Рада за нашу эмиграцию, что наконец, хоть раз, хоть в чем-нибудь Бог сделал так, что победа осталась за нами, за белыми. Но для себя я мало вижу радости. Не нужно об этом писать. Удовольствия могут быть, приятные ощущения — тоже, но радость едва ли (*Дневник ВНМБ*; запись от 13 ноября).

В тот же день, 13 ноября, Бунин подсчитает, сколько денег нужно для того, чтобы поехать в Стокгольм всем вместе: ему, Верре Николаевне и Г.Н. Кузнецовой. «Выходило, что для поездки в Швецию надо 50 тысяч [франков]. Мы слушали, слушали и все хором сказали, чтоб он должен ехать в Стокгольм один» (*Грасский дневник*: 283).

Пока что, на следующий день Бунин один уезжает в Париж, его сборы, по словам жены, представляли собой «настоящее ко-

³⁴ Бунина В.Н. То, что я запомнила о Нобелевской премии // Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Вступ. ст. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007. С. 487–490. Впервые: Новый журнал. 1962. Кн. 67. С. 136–140.

³⁵ Кроме серии корреспонденций 1933 г. в газетах «Последние новости» и «Сегодня», Я.М. Цвибак (писавший под псевдонимом А. Седых) посвятил Бунину главу в своей мемуарной книге «Далекие, близкие». Впервые: Новый журнал. 1961. Кн. 65. С. 151–197.

мическое синема», ибо он «все делал сам» и «волновался очень» (*Устами Буниных*, 2: 294). Поезд приходит в Париж утром 15 ноября, и Бунина прямо с вокзала увозят в ресторан Корнилова. «Был завтрак, который стоил 1000 фр., и Корнилов отказался взять деньги, сказав, что это для него честь» (*Грасский дневник*: 284).

Из ресторана в Грасс летит фирменная открытка с фотографией ресторанный зала³⁶:

Целую всех!
Ив. Бунин
15. XI. 33. У Корнилова

Целую, обнимаю нежно. Завтракаем все у Корнилова и очень жалею, что Вы не с нами. Пьем за здоровье И[вана] А[лексеевича] и Ваше.

Regi³⁷
Борис З.³⁸

И. Демидов
Целуем и любим. И. Фондаминский.
Целую — ручки. Ваш М. Ландау.
Очень всех ждем. Мария Цетлина.
Седой Цвибак!

Одновременно, навстречу ей (по адресу отеля «Мажестик» на авеню Клебер, где Бунин остановился) отправляется открытка³⁹ от жены и друзей: В.Н. Бунина, Г.Н. Кузнецова и Л.Ф. Зуров празднуют нобелевскую премию в Ле Рурэ (Le Rouret, неподалеку от Грасса) на ферме «Дубок», где жили друзья Буниных князь Александр Александрович Кугушев и его жена Ася Михайловна:

Дорогой, пьем в Дубке за твое здоровье шампанское. Я заказала 2 платья за 2000 фр. Будут готовы в субботу.

М-ме Неклюдова изумительна и советует все сделать здесь.⁴⁰

Вера
Милый Иван Алексеевич, пьем Ваше здоровье и жалею, что Вас нет среди нас.

Ася Кугушева

И я присоединяюсь со своим сердечным поздравлением и искренним приветом.

В.П. Штернберг⁴¹

³⁶ РАЛ. MS 1066A/41.

³⁷ Р.Г. Осоргина.

³⁸ Б.К. Зайцев.

³⁹ РАЛ. MS 1067A/43.

⁴⁰ Речь, возможно, идет о том, что необходимые для путешествия в Стокгольм вещи можно купить прямо на юге, не откладывая до приезда в Париж. Надежда Васильевна Неклюдова (урожд. Безобразова; 1864–1945) — жена А.В. Неклюдова и член Дамского общества в память императрицы Марии Федоровны.

⁴¹ Не удалось найти сведений.

Родной мой, будьте счастливы и здоровы.

Галя

Здоровья, здоровья и здоровья.

Л. Зуров

Спасибо!

А. Кугушев⁴²
Н. Минаев⁴²

На следующий день — новое письмо Веры Николаевны, полное, как обычно, домашних новостей, окрашенных теперь новыми волнениями от поздравлений, ответов на них, предотъездных хлопот и т. д. Гроза раздражается, видимо, 17 ноября. Под этой датой в дневнике Кузнецовой сообщается о двух звонках Бунина в Грасс:

Сегодня опять был звонок от И.А. по телефону. Он сказал, что берет с собой в Швецию секретарем Я. Цвибака и что предполагает жить пока в Мажестике. [...]

И.А. звонил опять. Говорил, что почести ему большие, но что он уже очень устал, по ночам не спит и что ему очень грустно одному. [...] Мы должны приехать в Париж приблизительно через неделю к большому банкету в его честь (*Грасский дневник*: 285).

Вероятно, в одном из этих разговоров Бунин сообщает домашним еще одну ошеломляющую новость, о которой Кузнецова умалчивает. Описывая эти дни, Я.Б. Полонский отмечает в дневнике: «Все судачат, с кем Бунин поедет в Стокгольм, с Кузнецовой или Верой Николаевной»⁴³. Однако, судя по дальнейшей переписке, первоначальным решением Бунина было ехать в Стокгольм одному, и «приехать в Париж» из записи Кузнецовой вовсе не значило «чтобы дальше ехать в Стокгольм»: на парижском банкете участие дам в нобелевских торжествах, по мысли Бунина, могло и закончиться.

Вере Николаевне понадобилось больше суток, чтобы собраться и написать мужу ответ⁴⁴. Как и зимнее письмо с сообщением из Стокгольма, оно начинается без обращения, что создает еще одно исключение в эпистолярном стиле Буниных:

Прости, что взяла твою бумагу, но на ней можно писать четко, чтобы ты не тратил времени на разбор почерка.

Вчера ночью писала тебе длинное письмо, проносила его в кармане, но не послала, именно потому, что оно написано мелко и тесно.

Буду кратка. Твое нежелание быть с нами в дни твоего торжества меня удивило. Действительно, ни один человек не знает другого. Да и сам он себя не знает. Через двадцать семь лет⁴⁵ ты удивляешь меня...

⁴² Не удалось найти сведений.

⁴³ Иван Бунин во Франции. Дневник Я.Б. Полонского / Вступ. ст. Е. Эткин-да // *Время и мы*. Нью-Йорк; Тель-Авив; Париж, 1980. Кн. 55. С. 270.

⁴⁴ РАЛ. MS 1067A/45.

⁴⁵ В.Н. Бунина отсчитывает годы со времени их знакомства в ноябре 1906 г.

Думаю, что если бы год назад тебе говорили, что ты будешь в состоянии жить один в Париже и поедешь *один* в Стокгольм, ты возмутился бы на говорившего.

Цель моего этого письма — просьба подумать серьезно о твоём решении ехать без нас за премией. Галя призналась мне, что это *самое её сильное желание*, и, поверь, никакие будущие путешествия не искупят некоего оскорбления, то есть нежелание иметь около себя лиц в самый значительный день твоей жизни, которые делили с тобой гречневую кашу. Кроме того, Неклюдов⁴⁶, насколько ему позволяет воспитание, настаивает на моей поездке в Стокгольм: “шведы — народ семейственный, Вы в их вкусе, — они любят интеллектуальных женщин, и ваше присутствие для И[вана] А[лексеевича] прежде всего необходимо”. [...]

Теперь денежный вопрос. Если наша поездка в Швецию состоится, то я *на три года отказываюсь* от всяких путешествий, с кем ты их ни совершал бы. Ты знаешь, что я *слово свое держать умею*. [...]

Еще все можно устроить: и визы, и остановку в Стокгольме. Подумай, ведь после Швеции, где было бы так приятно и поэтично провести Рождество, ты будешь так утомлен, что жить в Париже не будет сил. Да и жизнь там после премии будет и *тяжка*, и *дорога*. А тут мы можем после нее вернуться или домой, или... кто куда. Ты с Галей можешь проехаться по Италии. Я же могу поехать с Леней или домой, или в какую-нибудь савойскую дыру. Иначе у нас никакой радости от твоего торжества не будет, и до могилы мы будем нести горечь обиды. И ты сам в будущем будешь раскаиваться *очень*.

Мы ведь и не улыбаемся. Заботы, тревога за тебя и обида. Я почти не сплю — час, два в сутки.

Заказали себе туалеты, а сами думаем: к чему — парижскую публику развлекать... Гале сегодня выбрали очень изящное платье. Мне уже мерили оба, не сглазить, хорошо. Я даже удивлена, что я такая. Помогает еще то, что я катастрофически худею. [...] Галя грустна, внутренне нервна, но сдерживается. Живем мы очень дружно. С Галей проводим много времени вместе. Она и Леня много работают для тебя. Леня в дождь, вчера, в рваных башмаках полетел на почту, чтобы ты поскорей получил контракты. Промочил ноги, но, к счастью, волновался и не простудился. Галя перебрала всю корзину. Как-то работали до часу ночи, словом, не один Цвибак для тебя “старается”. У меня почти все готово. Белья я не покупала — это можно в Париже между делом, как и манто, то есть шубку. Ее можно купить у Солдатского⁴⁷ в кредит.

По вечерам мы на часок собираемся вместе или в спальне у телефона, или в кабинете возле газет и тихо сидим под шепот дождя. Погода ужасная. Очень боюсь, как бы не простудился бы кто из нас. Слава

⁴⁶ Анатолий Васильевич Неклюдов (1856–1943) — дипломат и грасский знакомый Буниных, в 1914–1917 гг. был полномочным министром России в Швеции.

⁴⁷ Неделю спустя, 25 ноября В.Н. Бунина записала в дневнике: «Уже заказываем манто у Солдатского» (РАЛ. MS 1057/409).

Богу, сегодня взяла свой зонтик из магазина. В среду наши платья будут готовы, в четверг или пятницу мы могли бы и выехать. Извести по телеграмме или телефону, когда ты хочешь, чтобы мы приехали. Рери написала, что все “сказка”⁴⁸, а мы в этой сказке — Золушки. Она пишет, что у тебя две постели, огромная ванна, где можно жить двум. Может быть, только и нужно один лишний номер где-нибудь сверху занять, а мы с Галей и у тебя поместились бы, хотя бы на первое время.

Кажется, обо всем написала. Может быть, и засну.

Через день Бунин отвечает полным согласием:

Понедельник 20-го

2 часа дня

Дорогие, милые, повторяю то, что сию минуту говорил по телефону: 1) я ни в чем не виноват, рассказать, как я живу эти дни, *невозможно* — расскажу более или менее, когда приедете; 2) огорчен за тебя, Вера, истинно до глубины сердца; но — точка — этого в письме особенно нельзя высказать; 3) посылаю нынче или завтра телеграфом три тысячи (сейчас бегу доставать эти деньги — не думайте, что у меня лежат на столе миллионы! 4) выезжайте *в среду*, если можно, — в крайнем случае в четверг, но не позднее.

Крепко всех целую.

Больше нет минуты свободной.

Ив.

Судя по всему, первоначальное намерение Бунина, при всей скоропалительности, не осталось предметом исключительно домашнего обсуждения и было доведено до сведения шведской стороны, так как в письме к Бунину С. де Шессена от 21 ноября 1933 года есть прямой ответ на него: «Очень удручены известием, что Вера Николаевна не приезжает. Мы так радовались при мысли, что увидим вас обоих»⁴⁹. Когда же недоразумение разрешилось, Г.П. Олейников прислал письмо В.Н. Буниной: «Дорогая Вера Николаевна. Получил телеграмму от Густава Людвиговича [Нобеля], что Вы приезжаете в Stockholm и очень этому возрадовался [...] ибо сообщение о том, что Вы не приедете, огорчило многих»⁵⁰.

22 или 23 ноября и В.Н. Бунина, и Г.Н. Кузнецова выезжают в Париж и оказываются в самом центре столичных чествований лауреата. Б.К. Зайцев вспоминал: «Дни до отъезда Ивана в Стокгольм вспоминаются как почти сплошной праздник: от литературного вечера в огромном театре Шан-з’Элизе, где многие из нас выступали, а Вера Бунина сидела в ложе с митрополитом Евлоги-

⁴⁸ См. прим. 37; ср. приведенную выше запись из дневника Г.Н. Кузнецовой от 28 ноября 1933 г.

⁴⁹ РАЛ. MS 1066/5034.

⁵⁰ РАЛ. MS 1067/5693. Письмо от 28 ноября 1933 г.

ем, до разных приемов, банкетов — адреса, цветы, подношения. В “Мажестике” вечная толчея посетителей, в газетах эмигрантских статьи, все как полагается»⁵¹. 3 декабря И.А. и В.Н. Бунины, Г.Н. Кузнецова и Я.М. Цвибак отправляются в Стокгольм. Дальнейшее, официальная часть нобелевских торжеств и их освещение в прессе, хорошо известны благодаря исследованию Т.В. Марченко (см. *Марченко*: 405–433 и др.).

На обратном пути из Стокгольма Бунины заезжают в Дрезден, гостят у Степунов. 24 декабря В.Н. Бунина записывает:

Сочельник — их. [...] Пообедали в комнате Яна карпом, которого традиционно съедают немцы в этот день У Степунов бывали, они очень милы и заботливы. Ян с Ф[едором] А[вгустовичем] перешел на “ты”. [...] У них живет его сестра Марга. Странная, большая девица — певица. Хорошо хохочет (*Дневник ВНМБ*).

Из Дрездена Бунины и Степуны едут в Берлин. Там 30 декабря в Шубертовском зале (Schubertsaal) был устроен вечер в честь лауреата⁵², на котором Бунин впервые встретился с Набоковым. Председательствовал И.В. Гессен, Ф. Степун говорил о прозе Бунина (и читал «Иду»), В. Набоков — о его поэзии. В.Н. Бунина отмечала:

Сирин гораздо лучше понимает стихи Яна, и звук их передачи правильной, выбор хорош и смел, последним он читал “Олень” — стихи эпохи нашей встречи — Ян тогда очень часто читал их». В целом: «Вечер [...] прошел хорошо. Но все же это не Стокгольм. Там был энтузиазм, а тут чувствуется вялость (*Дневник ВНМБ; Устами Буниных*, 2: 299).

Приехав через Германию в Париж, Бунины через некоторое время разделились: 20 января В.Н. Бунина вместе с Зуровым уехала на юг и провела несколько дней в Дижоне и Авиньоне, Бунин и Кузнецова остались в Париже и вернулись в Грасс в начале февраля уже следующего, 1934 года...

1933-й стал годом личных потерь Буниных: 5 марта умер отец В.Н. Буниной Николай Андреевич Муромцев (мать, Лидия Федоровна Муромцева умерла в 1923 году). 4 апреля умер Алексей Васильевич Орешников (отец жены Б.К. Зайцева Веры Алексеевны), которого В.Н. Бунина знала и читала с отроческих лет. Весной любимый брат В.Н. Буниной Павел Николаевич Муромцев заболел тяжелым психическим расстройством; 12 ноября, в разгар нобелевских торжеств он покончил с собой. Осенью стало известно о смерти (еще в 1930 году) невестки Бунина Н.К. Буниной (Гольдман), жены брата Евгения. В последний день года В.Н. Бунина писала:

⁵¹ Зайцев Б. Другая Вера // Новый журнал. Кн. 98. 1970. С. 164.

⁵² См.: Вечер в честь Бунина в Берлине // Возрождение. 1934. 11 января.

Не знаю даже, как отнестись к Нобелевской премии. С ней тоже что-то утерялось дорогое для меня в Яне. Конечно, радостно, приятно, что он лауреат, первый из русских, что общий голос удовлетворен этим. Но в отношении себя я чувствую какую-то потерю (*Дневник ВНМБ*; запись 31 декабря).

Но для Бунина главная потеря была впереди. В Дрездене Г.Н. Кузнецова познакомилась с сестрой Ф.А. Степуна Маргаритой (Маргой). Их стремительный и роковой для Бунина роман положил конец его отношениям с Кузнецовой, и боль от этого разрыва терзала его много лет. Глубокой осенью 1938 года, вернувшись к «Лике» после долгого перерыва, он писал жене: «Грустно еще и потому, что нынче 9 ноября: 5 лет тому назад в этот день судьба меня побаловала. Но потом взяла за это такую контрибуцию, что хоть трагический рассказ пиши!»⁵³ Прошло еще полтора десятилетия, и щедрая на такие переклички и контрасты жизнь Бунина окончилась 8 ноября 1953 года, накануне того дня, когда должно было исполниться 20 лет его счастливой нобелевской вести.

Литература

- Бабореко А.К.* Бунин. Жизнеописание. Изд. 2-е. М.: Молодая гвардия, 2009.
- Бунин И.А.* Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. Подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
- Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Вступ. ст. О.Н. Михайлова; Коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: Наследие, 1998.
- «Вы – друг старый и верный...». Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / Публ. Р. Янгирова // *Минувшее: Исторический альманах*. [Вып.]. 15. 1994.
- Дневник В.Н. Буниной* 1933 г. РАЛ. MS 1067/408.
- Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М., 1995.
- Кузнецова Г.* Пролог: Роман. Париж: Современные записки, 1933.
- Марченко Т.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2007.
- Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Вступ. ст. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007.
- Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М. Грин: В 3 т. Frankfurt am Main, 1977–1982.

References

Baboreko A.K. *Bunin. Zhizneopisanie* [Bunin. Biography]. Izd. 2-e. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2009. (In Russ.)

⁵³ РАЛ. MS 1066A/196.

Bunin I.A. *Pis'ma 1885–1904 godov* [Letters 1885–1904 years]. Pod obshch. red. O.N. Mikhailova. Podgot. teksta i komment. S.N. Morozova, L.G. Golubevoi, I.A. Kostomarovoi. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. (In Russ.)

Bunin I.A. *Publitsistika 1918–1953 godov* [Publicism of 1918–1953 years]. Pod obshch. red. O. N. Mikhailova; Vstup. st. O.N. Mikhailova; Komment. S.N. Morozova, D.D. Nikolaeva, E.M. Trubilovoi. Moscow, Nasledie, 1998. (In Russ.)

Dnevnik V.N. Buninai 1933 g. [Diary of V.N. Bunina in 1933]. RAL. MS 1067/408.

Kuznetsova G.N. *Grasskii dnevnik. Rasskazy. Olivkovyi sad* [Grassky diary. Stories. Olive Garden]. Sost., podgot. teksta, predisl. i komment. A.K. Baboreko. Moscow, 1995. (In Russ.)

Kuznetsova G. *Prolog: Roman* [Prologue: The novel]. Parizh, Sovremennye zapiski Publ., 1933. (In Russ.)

Marchenko T. *Russkie pisateli i Nobelevskaia premiia (1901–1955)* [Russian writers and the Nobel Prize (1901–1955)]. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2007. (In Russ.)

Muromtseva-Bunina V.N. *Zhizn' Bunina. Besedy s pamiat'iu* [Bunin's life. Conversations with memory]. Vstup. st. i primech. A.K. Baboreko. Moscow, Vagrius, 2007. (In Russ.)

Ustami Buninykh. Dnevnik Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy [By the Bunins. Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials]. Pod red. M. Grin: V 3 t. Frankfurt am Main, 1977–1982. (In Russ.)

«Vy – drug staryi i vernyi...». Pis'ma I.A. Bunina k A.V. Tyrkovo-Vil'iams ["You are an old and loyal friend...". Letters I.A. Bunin to A.V. Tyrkova-Williams]. Publ. R. Iangirova. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [Past: Historical almanac], 1994, no 15. (In Russ.)

Ivan Bunin's Nobel Year as reflected in diaries and personal correspondence

Tatiana Dvinyatina

Abstract: This article draws on the diaries and correspondence of Ivan Bunin and his closest associates to trace the course of the year before he was awarded the Nobel Prize for Literature, which represented the peak of recognition both for Bunin's own literary oeuvre and for the whole of Russian émigré literature of the so-called First Wave. At the same time as being a year of nerve-wracking suspense before the Nobel Committee's decision was announced, against the background of the Bunins' almost catastrophic financial situation, it was also a remarkably productive year in terms of Bunin's creative concentration, when he wrote most of “Lika”, the fifth and final part of his “Life of Arsenev”. Bunin's artistic detachment from worldly concerns during almost the whole of the year and the world-wide success which buffeted him after the award of the Nobel Prize were the main events in his life at that time. The significance of 1933 for Bunin is revealed in for the most part previously unpublished material from his archive housed in the Leeds Russian Archive (University of Leeds, Great Britain).

Keywords: Ivan Bunin, emigration, archive materials, Nobel Prize, diaries, personal correspondence

Information about the author: Tatiana Dvinyatina, Doctor of Philology, Senior Research Associate, Russian Academy of Sciences Institute of Russian Literature (Pushkin House). E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com